

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЧУЖОЙ РЕЧИ С АВТОРСКИМ КОНТЕКСТОМ В ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ»)

В статье рассматривается такой аспект субъектной организации газетного текста, как стилистические особенности образа автора чужой речи. Выявлены стилистические средства и приемы создания социально-речевого портрета и лирического метатекста с помощью чужой речи.

Ключевые слова: *газетно-публицистический стиль, речевой субъект, чужая речь, цитата, прямая речь, косвенная речь, пересказ, социально-речевой портрет, лирический метатекст.*

Вопрос о чужой речи, по характеристике В. Н. Волошинова (М. М. Бахтина), лежит «на границе грамматики (синтаксиса) и стилистики» [1, с. 301]. «„Чужая речь“ – это речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это и речь о речи, высказывание о высказывании. ... Авторское высказывание, принявшее в свой состав другое высказывание, вырабатывает синтаксические, стилистические и композиционные нормы для его частичной ассимиляции, для его приобщения к синтаксическому, композиционному и стилистическому единству авторского высказывания, сохраняя в то же время, хотя бы в рудиментарной форме, первичную самостоятельность (синтаксическую, композиционную, стилистическую) чужого высказывания, без чего полнота его неуловима» [1, с. 408–409].

Динамика отношений чужой речи и авторского контекста интересна не только в художественной коммуникации (стилистические аспекты взаимодействия различных субъектных планов художественного текста рассматриваются, например, в работах И. В. Арнольд [2], И. Я. Чернухиной [3]), но и в других сферах общения, в частности в медиадискурсе. И. Б. Голуб, давая стилистическую оценку разным способам передачи чужой речи, отмечает, что «в публицистическом стиле к чисто информативной функции цитаты добавляется эмоционально-экспрессивная» [4, с. 404] (о понятии «цитата» см.: [5, с. 96–100; 6, с. 27]). О. А. Маркасова подчеркивает возрастание роли «группы речевого сопровождения» (слов автора) в современной публицистике [7, с. 15]. Безусловно, особый интерес для анализа стилистической роли чужой речи представляют аналитические и художественно-публицистические жанры, где ярко выражается авторская индивидуальность, проявляющаяся и в специфике «ассимиляции» чужой речи, и в манере воссоздания образа другого речевого субъекта.

Цель данной работы – рассмотреть стилистические аспекты воплощения образа другого речевого субъекта в авторском контексте. Материалом для анализа являются тексты из новокузнецкой газеты «Кузнецкий рабочий» (были использованы публи-

кации 2005–2010 гг.), написанные в жанрах городского дневника, аналитического и сатирического комментария.

Как известно, при введении чужой речи используются три способа: дословное воспроизведение чужого слова, скрытая цитация и пересказ. Дословное воспроизведение чужого слова осуществляется в конструкциях с прямой и несобственно-прямой речью, а также при включении цитат в конструкции с косвенной речью и при оформлении их в виде самостоятельных высказываний. Скрытая цитация основана на отсылках к культурному пространству – на актуализации имен концептов и реминисценциях. Пересказ оформляется косвенной речью, высказываниями с лексикой, обозначающей речевое или ментальное действие, высказываниями с вводными конструкциями, которые указывают на источник сообщения. В публицистике используются и взаимодействуют различные способы передачи чужой речи. Материалом для проведенного анализа явились контексты с дословным воспроизведением чужой речи и пересказом. Образ другого «я» возникает в них, если реализуются такие стилистические функции чужой речи, как создание социально-речевого портрета и создание лирического метатекста.

Создание социально-речевого портрета в публицистике подчинено выражению авторской концепции. Журналист пишет условные социально-речевые портреты представителей народа и власти, а также портрет общества в целом. Типизация в создании образов проявляется даже в тех случаях, когда используется портретирование, связанное с реальными (нередко – известными) личностями. Народ представлен различными типажам, отражающими актуализированную автором проблематику. Ключевые в рассмотренном материале темы – социальная несправедливость, *гнусная атмосфера взаимного озлобления* (В. Немиров), проявляющаяся в речевой (и не только) агрессии, падение уровня культуры. В воплощении данных тем широко используются сатирические зарисовки, доминирует манера ироничного изложения, в отдельных случаях открыто выражен эмоциональный

отклик автора на происходящее. Также социально-речевые портреты активно используются при осмыслении журналистами общественно-политической жизни страны и внешнеполитических отношений (создаются портреты политиков, экономистов, военных). Чужая речь при этом включается в эмоционально-экспрессивные контексты, содержащие размышления о злободневных вопросах. Нередко эти контексты (или даже тексты) основаны на иронии, сатире и гротеске. Рассмотрим подробнее выявленные в результате исследования особенности создания социально-речевого портрета.

1. В текстах художественной и аналитической публицистики звучит чужая речь реальная, трансформированная и вымышленная, нередко взаимодействуют различные способы ее передачи, воссоздаются не только отдельные голоса, но и фрагменты диалогов.

Например: *Хорошая сосуля, видная – народ гурьбой ходит полюбоваться. Интересуются: как получить такую же? Очень просто. Ежели в избе у тебя как на улице, а батареи ледяные, зови сантехников. Или делай это самостоятельно. Это значит, сливая воду. За окно. После ведер эдак пятидесяти на стене дома образуется вот такая вот красавица* (городской дневник В. Немирова «У матросов есть вопрос», 30.01.2010 г.). Голос народа в ироничном контексте передается с помощью конструкции, занимающей промежуточное положение между косвенной и прямой речью. Далее в виде ироничной реплики-совета выражена реакция автора на ситуацию, когда ЖКХ не решает проблемы теплоснабжения.

2. Точность воспроизведения чужой речи не является обязательной чертой аналитической и художественной публицистики, поскольку она подчинена авторской концепции и, соответственно, не нацелена на полновесное звучание чужой речи. Следовательно, чужая речь может быть «замещенной»: «информация [в ней] принадлежит герою, а оценка – автору», это «речь двуголая, разнонаправленная, т. е. диалогизированная» [8, с. 260]. Отмечены случаи обрыва чужого высказывания и неточностей в его передаче. С другой стороны, с помощью метатекстовых средств может акцентироваться и точность в передаче чужого слова, мотивированная контекстом, например: *«Ты знаешь, – говорит товарищ по работе, – была надежда, что все наладится, устроится. Но не налаживается, не устраивается, а становится хуже. Впечатление полного бардака, где каждый „у руля“ устроил себе маленькую или большую кормушку. И наплевать на всех...»*. *Передаю почти дословно, потому что сказанное – знаковое ощущение от нашей жизни в последние годы* («У матросов есть вопрос»).

3. При передаче чужой речи используются стилистически маркированные средства, причем маркированность может быть связана с различной стилистической характеристикой, хотя в целом преобладают средства разговорной речи (о приеме «стилевой цитации» – в работе Т.Г. Винокур [9, с. 173–189]). Отметим прием «стилистического перевода», который состоит в выражении одной мысли в нескольких стилистических регистрах, соотнесенных с образами речевых субъектов, и помогает создать эффект стереоскопического изображения [10].

Средства разговорной речи выполняют не только характеризующую функцию, но и направлены на интенсификацию диалога автора с читателем. Например, эмоциональное высказывание позволившего в редакцию пенсионера представляет собой разговорный фразеологизм: *«Довели до ручки!»* (городской дневник В. Немирова «Ловля падающих листьев», 20.10.2007 г.). В соответствии с законами комического, средствами разговорной речи насыщаются даже авторские парафразы официальных высказываний известных общественно-политических деятелей: *А для тебя, Жора, друг ситуцевый, у меня имеется спецпредложение. Мы пускаем американских военных на нашу Габалинскую РЛС в Азербайджане, а вы не размещаете свои станции в Польше и Чехии. По рукам?* (высказывание Путина, адресованное Бушу; сатирический комментарий-«политсказка» А. Белокурова «Казалось, что хотелось, но оказалось, хотелось, потому что казалось», 16.06.2007 г.).

Чужое слово может отражать не только особенности разговорной речи, но и черты других функциональных подсистем русского языка в соответствии с задачей социально-речевой характеристики. Например, цитируются официальные тексты, представляющие образ власти в административно-правовом аспекте: *Читает бумажку: «В связи с установкой общедомового прибора учета...»*. В последующем изложении цитата обрывается, а чужое слово передается через пересказ: *И далее – про противопожарное оборудование, трансформаторную подстанцию, лифты...* («У матросов есть вопрос»). В приведенном примере переход от прямой речи к пересказу позволяет выразить отношение автора и героя к содержанию официального текста. Изменение стиля чужого слова проявляется в использовании свойственной разговорной речи предложно-падежной формы «*про + N₄*» (ср. с межстилевой параллельной конструкцией «*о + N₆*»), эмоциональная окраска передается приемами асиндетона и апосиопезы.

Приведем пример использования «стилистического перевода». Конструкции с косвенной и прямой речью в сатирическом комментарии А. Бело-

курова «Казалось, что хотелось...» создают парафразы, с помощью которых передается эффект перевода-интерпретации, отражающего определенные социально-речевые портреты, написанные в одном случае в разговорной, а в другом – в книжной стилистике: *Оппозиционеры-западники, с одной стороны, напирали на то, что «Москва пытается всучить устаревшую РЛС американцам...». Оппозиционеры патриотического толка говорили о предательстве: «Путин легализует американское военное присутствие в Закавказье», «Малая холодная война как операция прикрытия сдачи Габалинской РЛС»...*

4. Важную роль в передаче чужого слова играют кавычки, оформляющие не только прямую речь, но и отдельные слова и выражения (хотя при оформлении отдельных слов и выражений кавычки в рассмотренном материале используются не всегда).

Например: *Московская компания с ординарным названием «Строймонтажсервис» прославилась в стране, явно не желая того, незаурядным маркетинговым ходом. Как выяснилось на днях, она зарабатывала десятки миллионов рублей на «мульке». Так именуется на жаргоне спецов по информационным технологиям (где, как не в этой сфере, происходят нынче революционные прорывы) реализуемый фирмой продукт (аналитический комментарий А. Денисова «Доходное кино из параллельных миров», 16.01.2010 г.). Передавая позицию В. Черкесова, главы Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, в форме пересказа с включением несобственно-прямой речи, журналист сохраняет авторские метафоры, концептуально нагруженные в контексте, заключая некоторые из них в кавычки: Но были люди, «чекистская каста», с четкими понятиями о чести, долге и т. д., которые выполнили роль крюка, за который страна зацепилась и повисла над пропастью... По мнению Черкесова, не должны «воины» превращаться в «торговцев». Долой участие в бизнесе! Надо думать не о своей личной выгоде, а об интересах корпорации. Иначе – распад... (аналитический комментарий А. Белокурова «„Не могу молчать“? Тогда придется кричать!», 13.10.2007 г.).*

5. Особый интерес с точки зрения стилистики представляет такой способ усложнения субъектной организации текста, как несобственно-прямая речь. Несобственно-прямая речь, являющаяся в художественной литературе средством субъективации изложения, в публицистике создает лишь внешний эффект субъективации, поскольку автору важно не столько приобщить нас к особенностям речи другого субъекта, сколько расставить собственные акценты. Знаками несобственно-прямой речи в рассмотренном материале являются стилистическая

окраска (эмоционально-экспрессивная и (или) функционально-стилевая) внедренного в авторское изложение чужого слова, а также частицы *мол* и *де-ска-ть*.

Например: *Но мой отец идет еще дальше – вглубь: он сосчитал все лампочки в подъезде – их двадцать четыре, пусть, говорит, еще одна у подъезда – итого двадцать пять. Допустим, они по сто ватт, ладно, по сто пятьдесят... И все равно – нескладушки какие-то («У матросов есть вопрось»)).* Вводное слово *говорит* указывает на такой способ введения чужой речи, как пересказ, однако использование формы ед. ч. уже располагает к субъективации изложения. Несобственно-прямая речь в приведенном примере (см. подчеркнутое) представлена фрагментом, где эксплицирован ход неутешительных размышлений героя публикации. В материале В. Немирова несобственно-прямая речь оформляет фрагмент реплики-ответа представителей ЖКХ горожанину: *Говорят, что «Водоканал» ведет ремонт трубопровода. Ждите.* В приведенном примере несобственно-прямая речь следует за косвенной и в контексте приобретает эмоциональную нагрузку, связанную с образами обнадёживающих представителей ЖКХ и отнюдь не обнадёженных горожан.

В несобственно-прямой речи используются частицы *мол*, *деска-ть*, которые Б. А. Успенский называет «словами-кавычками»: «...соответствующие слова (типа частиц „де“, „деска-ть“, „мол“ в русском языке) можно рассматривать как своеобразные операторы, используемые для перевода прямой речи в авторскую речь... Их можно было бы назвать „словами-кавычками“ или „цитатными элементами“» [11, с. 67]. Например: *Мужчина пытается объяснить, что, мол, не местный, что приехал в город в гости и не знает порядков в магазинах такой формы обслуживания (городской дневник В. Немирова «Скоро осень. Бомжи недели шапки», 25.08.2007 г.).* В данном примере на то, что косвенная речь переходит в несобственно-прямую, указывает не только частица *мол*, но и нагнетание глаголов, передающее состояние растерянности героя.

6. Стилистическое усложнение характерно для контекстов с «двойным цитированием», в которых в самой чужой речи использовано цитирование. В случае «двойного цитирования» усиливается диалогизация изложения.

Автор чужой речи не всегда согласен с цитируемым. Так, в своей статье, по поводу которой дается упоминаемый ранее аналитический комментарий А. Белокурова «„Не могу молчать“?..» (см. п. 4), В. Черкесов пишет следующее: «...К своему профессиональному сословию, к своим товарищам и коллегам. Кто-то потом съязвил: „К чекистской

касте". По существу не соглашусь, но замечу, что даже каста – это не беспредел. Это свои нормы и свои правила» («Коммерсантъ», 09.10.2007 г.). Как видим, журналист не учитывает несогласие В. Черкесова с выражением «чекистская каста», а передает свою интерпретацию. С другой стороны, может быть выражена дискуссионная позиция автора чужой речи по отношению к цитируемому. Так, она передается с помощью акротезы в конструкции с несобственно-прямой речью В. Путина: *Дескать, пустяки, идет корректировка после бурного роста, а вовсе не «критическое падение»...* (аналитический комментарий А. Белокурова «Когда есть нечего, все равно, в какой руке вилка, а в какой нож», 25.08.2007 г.).

7. Авторские акценты при передаче чужой речи воплощаются с помощью номинаций персонажей.

Наиболее ярко голос автора передается номинациями с узуальной стилистической окраской (функционально-стилевой и (или) эмоционально-экспрессивной): *спецы по информационным технологиям, тамошние морпехи, злой на весь мир хмырь, злые недруги, наш могучий экономист, знаток кино и телевидения*. Однако и нейтральные с точки зрения узуса номинации могут приобретать в контексте стилистическую окрашенность. Например, в городском дневнике В. Немирова «Скоро осень. Бомжи надели шапки» экспрессивную функцию выполняет прием повторной номинации: *женщина-контролер – дама при исполнении*. Второе выражение, несомненно, передает иронию, чему способствует этикетный контраст номинации *дама* и способности этой дамы нецензурно выражаться. Или номинация *человек* в контексте, где показан переход от корпоративного мышления к более широкому взгляду: *Но мне выступление Виктора Черкесова показалось очень искренним и очень трагическим. Человек вдруг осознал, что энергия разрушения, генерируемая в стране, не знает корпоративных границ. Вызванная однажды, она никуда не исчезает* (фрагмент последующего комментария журналиста к пересказу и цитированию выступления В. Черкесова). Особым приемом является неназывание речевого субъекта, для чего используются неопределенно-личные конструкции: *Поймут трех-четырех дармоедов трудовой экономики, поставят перед собой в демократической позе – руки за спину, в ботинках лужа, спрашивают сурово: «Вы чего это?! Рыночная у нас экономика или не рыночная?!» И каются подлые стервятники, и сбрасывают десятку с продуктов, и торжественно клянутся неукоснительно следовать законам рыночной экономики...* (сатирический комментарий А. Белокурова «У Штирлица защемило сердце. Он увидел, что пастор совсем не умеет ходить на лыжах...», 20.10.2007 г.).

8. Авторская позиция проявляется также в соотношении чужой речи с номинациями, указывающими на ее жанрово-стилевое и содержательное своеобразие.

Например, в тексте, посвященном проблеме коммунальных платежей, используется номинация *бумажка* в значении «официальное письменное сообщение, документ» [12, с. 60]; на официальный характер выступления В. Путина указывает слово *заявление: Владимир Владимирович вынужден был снова выступить с заявлением*. На этот раз относительно падения российских фондовых индексов. *Дескать, пустяки...* (А. Белокуров. «Когда есть нечего...»); о неофициальном характере общения свидетельствует шутивное выражение *стариковский разговор: На днях у нас в кабинете ветераны газеты завели неспешный такой стариковский разговор. «Я тут прикинул: нынешний рубль, – по стоимости, – как копейка. Ну, смотри...»* (В. Немиров. «Приколы нашего городка», 18.07.2009 г.). О проблемном содержании чужой речи мы можем судить благодаря таким номинациям, как *форма риторических вопросов* (глава Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков Виктор Черкесов *говорит о странностях ареста [своих соратников]... в форме риторических вопросов...*), *вопросец* (в данном случае эмоционально-экспрессивная номинация передает авторскую иронию: *Но в свете нынешних шокирующих счетов за все вопросы все же обозначился как бы сам собой: «Неужели опять из моего кармана?»* («У матросов есть вопросы»)).

Особое место среди номинаций, указывающих на жанрово-стилевые и содержательные особенности чужой речи, занимают те, которые представлены в текстах, где поднимается вопрос о культуре нашей речи и создается обобщенный социально-речевой портрет. Например, журналист слушает *местные новости* и поражен высказыванием, переданным в форме прямой речи: *«Настоящий расцвет частного строительства в Куйбышевском районе»*. В словах автора с помощью метатекстовых средств объясняется точность цитирования: *...цитату привожу почти дословно. ...Потому что поразили, как говорится, до глубины* (городской дневник В. Немирова «Наверное, это и есть нирвана», 10.10.2009 г.). В последующей части материала звучат мысли о пустословии: *Со словами у нас просто беда какая-то сегодня. Помню времена, когда или прямые трансляции с заседаний народных депутатов. И народ слушал, затаив дыхание, каждое слово весило два пуда, как гиря. А нынче – одна невесомая оболочка*.

Неоднократно журналистами поднимается вопрос о культуре речи и этической оставляющей в рекламной коммуникации. Например: *Пока разво-*

рачивались колонны, разглядел на фронтоне «Сибири» большой рекламный плакат. Хрестоматийный красноармеец сверлит тебя пальцем, вопрошая: «А ты готов к сессии?» Агентство такое-то сделает вам дипломную, курсовую, контрольную, реферат... (аналитический комментарий А. Денисова «Зачет по исторической памяти», 08.05.2009 г.). Городской дневник «Скоро осень. Бомжи надели шапки» также содержит оценку вербального облика города: Объявление на одном из магазинов: «Одежда для удачливых детей». В последующей части представлены размышления журналиста: Есть, оказывается, такие. О том, что подобное глубоко безнравственно по сути, авторы, очевидно, не догадываются, отмечая «автоматом» вполне созревшие в обществе понятия. Где реклама «совершенных окон» соседствует с несовершенными решетками на балконах. Как видим, выражена мысль журналистов о гармоничном облике города, в котором форма (в том числе ее вербальная составляющая) соответствует содержанию (системе наших ценностей). В критическом осмыслении культуры речи журналисты используют точные цитаты, позволяющие создать сильную аргументацию. Так создается обобщенный вербальный образ города, который отражает духовное нездоровье общества.

9. Авторская позиция ярко проявляется в детализации образа речевого субъекта, которая связана как с вербальными, так и с невербальными аспектами. В большей части контекстов эти аспекты представлены синкретично. Сила авторских акцентов проявляется благодаря художественно-образной конкретизации, «т. е. системной взаимосвязи языковых единиц как составных элементов целого, обусловленной идейно-образным содержанием и реализующей эстетическую функцию в результате „перевода“ слова-понятия в слово-образ, направленного на активизацию воображения читателя» [13, с. 599].

В словах автора, вводящих чужую речь, особая роль принадлежит глагольной лексике, прямо указывающей на характер речевой деятельности. Так, материал «Скоро осень. Бомжи надели шапки» содержит историю из жизни города, в воплощении которой экспрессивно значимо настоящее историческое: В один из супермаркетов на Металлургов входит мужчина с авоськой и идет напрямик к стеллажам с продуктами. Женщина-контролер принимается ругаться матом. В другом контексте важно значение прошедшего времени, передающее оттенок результативности и повествовательное напряжение: Я... был пресечен яростным воплем дамы: «В очередь!!!» Честно говоря, я и не возражал – просто подумал, что дама с кавалерами. Однако надо было слышать, с какой злобой

она прокричала свое: «В очередь!!!» (городской дневник В. Немирова «Консервная банка с окурком», 03.04.2010 г.). Как видим, для создания образа важна не только глагольная лексика (оттенки лексического значения, стилистическая окраска, особенности грамматической формы), но и связанные с ней в контексте изобразительно-выразительные средства.

Глагольная лексика может косвенно указывать на характер речевой деятельности, делая акцент на стоящем за ней намерении речевого субъекта: Мужчина пытается объяснить...; Интересуются: как получить такую же? («У матросов есть вопросы»); Наш могучий экономист Евгений Ясин в «Новой газете» бьет тревогу по поводу попыток правительства ограничить экспорт зерна. Ни в коем, мол, случае! Мы завоевываем рынки, получаем новый источник валюты! («У Штирлица защемило сердце...»); ...наш президент спокойно и достойно объяснил миру, что российская авиация возобновит регулярное патрулирование всяких разных интересных нам мест; ...Владимир Владимирович вынужден был снова выступать с заявлением. На этот раз относительно падения российских фондовых индексов («Когда есть нечего...»). Слова автора включают также лексику, указывающую на эмоциональное состояние речевого субъекта: Отец размышляет над графой «Общедомовые нужды», которые обозначены суммой в 683 рубля 83 копейки. Он восхищен: «Я же могу один содержать подъезд за свои деньги!» («У матросов есть вопросы»). Эмоциональная окраска усилена здесь благодаря несоответствию обозначенного эмотивного смысла и переданных в контексте фактов. Чаще всего характеристика эмоционального состояния речевого субъекта сосуществует с репрезентантами речевого поведения (яростный вопль, прокричала со злобой, бьет тревогу, спокойно и достойно объяснил миру).

Художественно-образная конкретизация основана на объединении вербальных и невербальных аспектов характеристики. Например, В. Немиров создает гипотетический образ автора несобственно-прямой речи: Сразу представил картину: стоит такой злой на весь мир хмырь у конвейера с сигареткой в зубах, докурил и смачно затушил ее в томатном месиве – привет, брат, от тружеников Приморья. У меня сегодня радость – я сегодня сделал гадость... («Консервная банка с окурком»).

Художественной выразительностью обладают гротескные образы, созданные А. Белокуровым. Например: Российские бомбардировщики долетели до Гуама. Тамошние морпехи обалдели – терли то глаза, то экраны локаторов. Злобные недруги истерично завывали: «Эти ржавые железки еще летают!» («Когда есть нечего...»). В гротескном рече-

вом портрете В. Путина, представленном в сатирическом комментарии А. Белокурова «Казалось, что хотелось...», с помощью соседства прозвучавшей и воображаемой прямой речи создается эффект «стилистического перевода»: *Усмехнулся Путин озорно, подмигнул Бушу – тот с постной физиономией грыз свои крендельки, – начал вроде бы смиренно:*

– Да я, ребята, самый большой демократ... Собственно, после смерти Ганди мне и поговорить-то не с кем!

Далее: *Сидят мухи, обсыхают. Понимают, что на Ганди всем стадом не тянут. Другой, будь он грубиян, сказал бы просто: «Заткнитесь», а тут вроде и обижаться не на что.* Сатира передается благодаря смысловому тождеству двух высказываний. В словах автора, вводящих речь героя, эффект художественно-образной конкретизации достигается благодаря использованию повествования, в котором действия, представленные в их последовательности, отражают эмоциональное состояние речевого субъекта.

Стилистически отличаются от контекстов, воплощающих социально-речевые портреты, менее частотные контексты, в которых реализована функция создания лирического метатекста. Для них характерно воспроизведение чужого слова в конструкциях с прямой речью, создающих эффект точного цитирования, благодаря чему проявляются искренность, исповедальность. При передаче чужой речи в лирическом метатексте важен эффект художественно-образной конкретизации. Как отмечает Т. В. Матвеева, метатекст «вводится исключительно с целью более явственной передачи тональности создаваемого публицистического текста: образ автора – это психологический камертон текста...» [14, с. 93]. В рассмотренном материале функция создания лирического метатекста ярко представлена в работах В. Немирова, для которого лирическим камертоном становится образ младшей дочки. Например, в контекстах с шутливой окраской: *Но процесс лепки пельменей так захватил дочь, вдруг увидевшую, как, собственно, они делаются, что после двух-трех первых экземпляров она всплеснула руками: «Они же настоящие!» Это было круто: ребенок выяснил, что пельмени делают руками, а не появляются они невесть откуда в магазинах* («Время остановившейся работы», 17.01.2009 г.). Характерно, что конструкции с прямой речью, соз-

дающие лирический метатекст, часто включаются в контексты пейзажных зарисовок, располагающих к лирической тональности. Такие зарисовки у В. Немирова нередко выполняют функцию ассоциативного зачина: *Божьи коровки с еле слышным костяным стуком влетают в стекло. «Опять космонавт прилетел?» – говорит дочь, показывая на лампу под потолком, на «орбите» вокруг которой кружит очарованное «солнцем» насекомое* («И тема угадана», 3.10.2009 г.); *«Пахнет снегом», – остро потянула своим красным носом моя мелкая уже в понедельник. Острый запах предзимья, который не спутаешь ни с каким другим: тут и предчувствие стужи, и колючесть летающих по ветру снежинок, и прелость листвы, устилающей все пространство под деревьями* («Острый запах предзимья», 06.10.2007 г.). Как видим, авторское слово, сопровождающее прямую речь, стремится к художественно-образной конкретизации, что проявляется в использовании развернутых конструкций, включающих эмоционально окрашенные номинации речевого субъекта (*ребенок, моя мелкая*), изобразительно-выразительные средства (в приведенных примерах важны эпитеты, развернутая метафора, экспрессивные глаголы: *всплеснула руками, потянула носом*). Отметим, что в словах автора могут опускаться глаголы говорения, но при этом с помощью художественно-образной конкретизации создается ассоциативно насыщенный контекст, позволяющий нам воссоздать образ другого речевого субъекта. Стилистика контекстов, выполняющих функцию создания лирического метатекста, существенно отличается от контекстов, реализующих функцию создания социально-речевого портрета, и отражает установку не на типизацию, а, напротив, на индивидуализацию изображения.

Таким образом, взаимодействие авторского контекста и чужой речи в случаях ее дословной передачи и пересказа позволяет журналисту создать образ другого речевого субъекта, усиливающий прагматическую программу публицистического текста и выражающий авторскую концепцию с помощью стилистического эффекта стереоскопического изложения. Созданные социально-речевые портреты и лирический метатекст, отражая взаимодействие социальной и индивидуальной ипостасей автора-журналиста, воплощают специфику «человековедения» современной публицистики.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Тетралогия. М., 1998. 608 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2009. 384 с.
3. Чернухина И. Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста (факторы текстообразования). Воронеж, 1977. 208 с.
4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 2007. 448 с.
5. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2004. 272 с.

6. Трапезникова О. А. Цитата как актуализатор авторской интенции в древнерусском тексте (на материале торжественных слов Кирилла Туровского) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 3 (105). С. 27–33.
7. Маркасова О. А. Группа речевого сопровождения как элемент высказывания и текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999. 19 с.
8. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс. М., 2004. 416 с.
9. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980. 238 с.
10. Пушкарева И. А. О стилистическом эффекте стереоскопического изображения (на материале работ Т. А. Тюриной, журналиста городской газеты «Кузнецкий рабочий») // Текст и языковая личность: материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием (26–27 октября 2007 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск, 2007. С. 202–206.
11. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб., 2000. 352 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973. 846 с.
13. Кожина М. Н., Баженова Е. А. Художественный стиль речи // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 594–608.
14. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990. 172 с.

Пушкарева И. А., кандидат филологических наук, доцент.

Кузбасская государственная педагогическая академия.

Пр. Пионерский, 13, Новокузнецк, Кемеровская область, Россия, 654007.

E-mail: nvkz-kafru@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 10.04.2012.

I. A. Pushkareva

**ABOUT THE INTERACTION OF ANOTHER AUTHOR'S SPEECH
AND AN AUTHOR'S CONTEXT IN TEXTS OF NEWSPAPER STYLE
(DATA: THE CITY NEWSPAPER "KUZNETSKY RABOCHY")**

Such aspect of subjective organization of a newspaper text as stylistic features of the image of another author's speech is described in the article. Stylistic means and methods of creation of the social and speech portrait and of the lyrical metatext with the help of another author's speech are exposed.

Key words: *newspaper style, speech subject, another author's speech, quotation, direct speech, reported speech, exposition, social and speech portrait, lyrical metatext.*

Kuzbass State Pedagogical Academy.

Pr. Pionersky, 13, Novokuznetsk, Kemerovo region, Russia, 654007.

E-mail: nvkz-kafru@yandex.ru